

Илья Либман

Эпизоды из жизни Артюши Ги

18+

Илья Либман

Эпизоды из жизни Артюши Ги

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Либман И.

Эпизоды из жизни Артюши Ги / И. Либман — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Артюша Ги живет в Питере в квартире с видом на Фонтанку. После нескольких лет популярности как блоггер становится диджеем программы "Ночной ковбой" на FM радио. Там он добивается быстрого успеха, но решает менять формат своей жизни после встречи с двумя другими людьми - его поля ягодами. В повести описываются события, происходящие в полупустой коммунальной квартире.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	9
Глава четвертая	11
Глава пятая	13
Глава шестая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Илья Либман

Эпизоды из жизни Артюши Ги

Глава первая

Как часто в нашей жизни люди находят новую работу – не так часто. Иногда потому, что они твердо знают, что ни на что другое не годятся, и лучше уж им сидеть и молчать в тряпочку, пока и со старой не поперли в подсобники, которые всегда требуются. Ну, а если оседлал новую позицию, то постарайся ее не загнать в тупик, а держись и учись быть на ней.

Не обязательно, что это любовь с первого взгляда или мечта с третьего класса. Она может быть и невзрачна, и даже немногие представляют, что за такое платят жалование, но теперь она твоя, и твоя забота спаять вас вместе дружбой и доверием для пользы дела. Как всадника со скакуном. Примерно такие мысли крутились в моей голове, когда я поднимался на свой 4 этаж. В парадном пахло обычным.

Ступеньки нашей лестницы были сработаны пару сотен лет назад из какого-то цельного материала тогдашними подсобниками добротно. С ними ничего не случилось, кроме не запланированной сношенности.

Все ремонты дома каким-то образом обошли замену лестниц. И это хорошо. Особенно, когда в доме нет лифта, и каждый живущий в нем, давно выработал в своем организме «модуль ступени». Люди не задумываются об этом, потому что и в сильно нетрезвом состоянии доходят на автопилоте до дома без значительных падений с переломами. Все это благодаря модулю. Наверняка это немцы или французы научили такому наших предков в городах, а в деревнях этого слова до сих пор не понимают, поэтому и падений там происходит больше. Довольно странно было вести программу первой ночью. Меня никто не представил аудитории. Мне так и сказали, что в этом нет необходимости, потому что радио слушают в ночное время не по расписанию, а спорадически, и даже постоянные слушатели не обращают внимания, кто для них крутит музыку под скромный комментарий. Предупредили, однако, что не стоит мнить из себя Севу Новгородцева или Уолтера Бронкайта. Я особенно не волновался за себя – больше за технику: чтобы 3 секунды задержки выхода в эфир не сбили меня с толку. Три секунды задержки – ненужный атрибут и наследство по умолчанию от студий с дневным вещанием. Еще посоветовали не пить кофе или чая, а лучше высыпаться в течение дня. Советы работодателя, особенно в фазе становления, необходимо выслушивать и следовать им, потому что тебе нужна работа на их условиях. Этому правила не понимают многие таланты и самородки и поступают по-своему. Что из этого происходит – да разное: в лучшем случае они работу теряют, в худшем-они теряют свою жизнь под обломками передовой техники. Никогда толком не знаешь, когда фаза становления закончилась, а думаешь, что если зарплату выдали, то значит все нормально. Но нельзя же ходить на цыпочках след в след до конца своих дней. Что же случится с нами со всеми, когда квартиру расселят? Да и возможно ли такое вообще теперь, когда все главные страсти на счет престижного жилья откипели? Четвертый этаж с видом на Фонтанку, с двумя входами при любой раскладке стоит немало. Предание говорит, что до 19 года в ней жили 2 независимых семьи одного дивизионного майора: он не мог содержать семьи по отдельности после революции, и они съехались. До этого денщик его жил на «черном» ходе и водил к себе работниц и белошвеек, а майор иногда заглядывал к нему "распорядится по хозяйству" или махорки стрелнуть. Лихое время многое выпрямляет на свой лад. Если задуматься, то это очень похоже на жизнь приматов, когда в одной стае у самца несколько различных самок, и их общие дети, молодые обезьяны, играют вместе... К тому же всех надо расселить не дальше 3-го Парголово. Лично мне жить здесь совсем неплохо. Человек вырастает в

свой быт и не дремлет о лучшем, если у него нет фантазии или предыдущего опыта лучшей жизни. Что уж так принципиально важно для нас, коммунальных животных, в том чтобы жить обособленно? Вся это роскошь просто, мода и похоть эпохи. Всем у нас воздуха и места хватает. Всяко лучше, чем жить на 2 квадратных метрах и вращаться вокруг собственной оси от плиты до унитаза. Большевикские идеологи смотрели в корень и обучили все городское население жить по-насекомому – коммунами, гудеть вокруг пчеломатки на общественной кухне и наказывать лоханкиных за не выключенный в сортире свет. И наблюдать за духом населения значительно проще в коммуналке, чем вне нее. Есть, конечно, тонкости быта, которые в коммуналках бывают тупиковыми, типа ремонта мест общественного пользования. Менять обои в коридоре есть откровенный моветон, и дело даже не в деньгах. Эти обои имеют свою внутриквартирную ору, которую менять нельзя. Вместе со всякими переменами приходят никому не нужные инновации типа выбросить коридорные шкафы или перенести вешалки и холодильники в комнаты. Лучше уж переехать в отдельную квартиру, чем потерять такой коридор. Говорят, что это кресло принадлежало одной из мойоровых семей и всегда здесь стояло для разговоров по телефону. Жалко, что того аппарата больше нет. Наверное, был крутой, как в музее Попова, с рукояткой отбоя. И все эти номера телефонов на стенах. Это же, как листы каменной книги. Нечего концентрироваться на том, что невозможно изменить. Нужно думать о том, что можно. Долго мне таким образом ди-джем не проработать – слишком уж все статично, как разговор с памятником на кладбище. От скуки недолго и скатиться и сморозить чушь. Хозяин, Павел, вроде как слушал меня, когда я говорил ему про новый формат: с телефонной связью, интервью и гостями в студии. Две комнатки с чуланом стыдно в наши дни называть студией. Зато никуда переться не надо на ночь глядя, и Варька с Куней всегда под боком бурчат и мурлычут. Странная была у него реакция на подскочивший рейтинг. Зачем им рейтинг, если они ничего не рекламируют? Но эта не моя печаль. Я бы вполне мог работать на коммерческом радио с высоким накалом.

Глава вторая

Артюша добрел до своей комнаты и выскользнул из разношенных до предела лофетов, постучал в дверь и механическим голосом прохрипел «Киевгаз». В комнате бодро пахло выхлопными газами с Фонтанки. Варвара сидела на краю двухъярусной кровати, одетая в кельтские гольфы с помпонами и такой же расцветки клетчатую кепку со спущенными ушами: «Вот решила все-таки проветрить комнату немного, а то живем, как тополя, дышим углекислым газом и Куней немытой днем и ночью. Ты кушать хочешь?» – Нет, не хочу. А что у нас есть? – Так я же ничего и не готовила: суп грибной доедай, да кулебяка с курицей, которую твои гости у нас забыли. Я у Филиппова на Знаменской киш лорейн с чеддером купила к чаю. Артюша мастерски плюнул бесформенным в открытую форточку и решил закончить с проветриванием: «Суп с кулебякой буду. А потом можно и чаю. Я хотел поговорить с тобой на счет ночи – когда другие работают. Мало того, что ты спишь, так ты еще и храпишь. Понимаешь, у меня здесь не реалисти шоу, а изи лиссенинг и храп твой крайне неуместен. – Артюша, так когда тебя нет рядом, я невольно переворачиваюсь на спину и теряю контроль над храпом. – Что же мне тебя стулом подпирать что ли? Надевай свой загубник, как в девичьи дни, я не знаю... Варавара досталась Артюше по умолчанию, когда у нее в Гатчинке сгорел дом. По специальности она была этнологом, поэтому нигде и никогда не работала. Зато была приятной в обращении да и внешне девахой. Артюша считал ее среднюю, потому что ей сравнялся тридцать один годок. Они познакомились совершенно случайно – Артюша этнического ничего не носил из одежды, кроме тюбетейки на даче в детские годы, но помогал одному богатенькому отличничку собрать и закатоложить коллекцию джазовых звукозаписей, а Варвара в том же доме консультировала по поводу этнической одежды северных европейцев. У нее и у самой была коллекция, которая образовалась совершенно нечаянным способом. Согласно ее рассказу случилось это лет 5 назад. Она стояла на подтанцовке в какой-то про-ирландской группе из Воронежа, когда в городе проходил музыкальный фестиваль народов северной Европы, и прикатило много народу из Ирландии, Шотландии и других мест со своими этническими песнями и плясками. Варвара глянулась одному шотландскому коллективу, в котором мужики ходили без трусов под юбками и дули в свои волынки, а девушки пели под это и танцевали сами с собой. Она потусовалась с волынщиками 2 вечера, а на третий ее взяли на сцену в незатейливый женский танец. 10 дней фестиваля прошли незаметно, и когда Варя с шотландцами отмечала в последний вечер их дружбы у нее в доме в Гатчине, то все здорово набрались и едва успели на рейс следующим утром в свой Уолш. Впопыхах и с похмелья они забыли все свое этническое для сцены прямо у нее на крыльце. Одежда была сложена в специальные ящики, чтобы не мялась. Эти ящики были похожи на гробы, в каких привозят домой убитых в колониальных войнах. Той ночью в Гатчине гробов на крыльце ее дома никто не тронул. Отправить их потом отдельно от людей в Шотландию было безумно дорого. Таким образом ей и досталась полная коллекция этнической одежды. Через знакомых этнологов она влилась в немалую группу коллекционеров. Разменяла «повторы» на другой дорогой и модный прикид и стала полу центральной фигурой среди бомонда. Все у нее закрутилось с того времени: ее устроили на работу в музей с кунсткамерой заниматься искусственной штопкой каких-то там знамен и гобеленов. А потом они познакомились в том доме коллекционеров с Артюшей. Варька рассказывала ему, что когда первый раз услышала его имя, то подумала, что хозяин дома подзывают маленькую собачку, а пришел большой он. Артюша помнит, что было дальше: он напросился ей что-то там починить. Ему было все равно, что наобещать – лишь бы попасть к ней домой. Ничего он ей тогда не починил, а просто засиделся у нее, а потом и вовсе остался спать там до полудня. Варвара нашла их знакомство удобным – теперь ей не надо было спешить на последнюю электричку или автобус в Гатчину, а можно было остаться у Артюши до утра. Сосед Артюши

по квартире, 70-ти с плюсом фарцовщик в законе, занимавший один пространство дореволюционного денщика: со своим выходом во двор и на крышу, сказал ему как-то, что приметой постоянства для женщины бывает то, что она оставляет в вашей ванной предметы ее личной гигиены помимо зубной щетки. Например, душевую насадку для подмывания. Артюша тогда рассмеялся и сказал, что он не суеверен и сам себя сглазил – Варькин дом в Гатчине сгорел дотла. Хорошо еще, все три гроба с ее этнической одеждой не пострадали. Они теперь гордо стояли, полу распахнутыми аккордеонами у Артюши на самодельном лофте под потолком. С тех пор прошло около 2-х лет. Они жили-были, как fuck bunnies, без каких-либо обещаний и клятв верности. Сказать по правде, Артюше жизнь с середнячкой нравилась больше, чем с молодухами. У тех всегда было одно на уме да поездки в Египет или Тунис. Варька, однако, пока клушей не стала, несмотря на необходимость готовить и стирать. Иногда Артюша засматривался на нее во время ее одеваний. Было в этом что-то из счастливого детства, когда раздетая женщина проверяет в последний раз целостность и свежесть своего белья до того, как влезть в него. Он замолкал – не хотел спугнуть таинства преобразования из куколки в прелестную бабочку, но никогда не останавливал ее от похода на самостоятельную тусу. У них не было официального раздела зон влияния, территорий и ответственностей. Поскольку ни один из них не работал по гудку, то и заработки бывали спорадическими. Среди одежды в одном из гробов были обнаружены в свое время пластинки на виниле. Винил входил в ретро моду среди тех, кому за сорок. Артюша знал полно народу из меломанов при башнях и во времена предельного безденежья продавал винил по рыночным ценам.

Глава третья

Грибной суп с кулебякой оказались очень даже к месту, потому что новый режим Артюшиной жизни отражался и на потребности постоянно закусывать и задремывать в необычные для этого часы. Одного было у него не отнять – он постоянно думал о программе и как сделать ее еще интереснее. Он уже достаточно хорошо приновился рассказывать около музыкальные истории и анекдоты из жизни исполнителей. Его голос, далекий от дикторской чеканности, приносил в программу совсем иное и более желанное: неформальность обращения и бытовой Чапаевский синтаксис. В этом не было ничего нарочитого и неестественного – ведь и его слушатели были скорее случайными и не хотели слышать о пробках на дорогах или про подписание очередного декрета. Артюша пытался говорить как бы за двоих: типа вопрос по теме и ответ на него, но это было непросто, когда твой зримый слушатель – только Куня, с застывшей от удивления в воздухе лапой для предполагаемой облизки. По всем правилам игры ему нужен был бы сайд кик, второй человек, но официально формат его передачи не предусматривал этого. Он должен был крутить музыку с объявлением имени исполнителя и не больше. Хозяин Павел и другие хозяева и так закрывали глаза на то, что он пробегает временами под «красные флажки». Конечно, он мог бы притащить за бесплатно на ночь-другую Константина или Тимофея и включить их в дебаты, но это было бы довольно стремно и рискованно делать на данном этапе. Они – славные ребята, и все такое, но программа – не их работа, а его. Поэтому их отношение к происходящему может быть непредсказуемым и бесконтрольным с его стороны. Он не станет рисковать ради возможности, может быть, сделать что-то интереснее на одну-две сессии. За последнее время Артюша проштудировал массу методической литературы на тему не только его рабочей позиции, но и по радиотрансляции вообще, почти глобально. Он всегда любил постигать что-то новое, и эта была не его вина, что новое чаще всего бывало бесполезным. Теперь у него есть шанс все поменять. Артюша оторвался из размышлений, когда под Варькин бубнеж про утерю штопальной иглы в их совместной постели он обнаружил, что с супом покончено и половину кулебяки все-таки удалось протолкнуть в желудок. В то время, как другая ее половина прочно засела между зубов, и выкорчевывать ее оттуда будет не проще, чем белофиннов из линии Маннергейма. – Жалко, что штопальная игла потерялась именно сейчас, когда могла бы очень даже пригодиться. Варвара знала про эту Артюшину слабость – чистить зубы металлическими предметами. Она была против внедрения в человеческое тело металлических предметов не профессионалами и говорила ему об этом, но от ее белозубый безукоризненной улыбки Артюше становилось только обидно за себя, он вставал на тропу войны и жалил ее жестоко. Он мог припомнить Варе недоборы урожая моркови совхоза Гатчинский из-за поедания корнеплодов такими, как она, прямо на полях. Вообще-то, Артюшу лучше бы и не трогать, когда дело доходило до чего-то очевидного с его неправотой. – Клинь клином вышибают: попей-ка чайку с кишем. Может все промоет. – Варька, ты знаешь, что в нормальных радиопрограммах должны быть двое у микрофонов для развития темы? Мне завтра принесут немецкий микрофон, и мы будем тебя пробовать. – Меня-то зачем? Я на ди-джея не училась, я – этнолог, если ты помнишь. У нас у каждого свое занятие в этой жизни, так зачем нам путаться друг с другом больше, чем это необходимо для спокойного сосуществования? – Если бы у меня был выбор, то может все бы обошлось и без тебя. Но у меня, прости, выбора нет. Тебе ничего не надо будет делать – просто быть самой собой. Будешь бубнить как обычно, но только в микрофон. Варвара недоверчиво посмотрела на него: «Небось, придумал что-то каверзное, чтобы опростоволосить меня перед всеми полуночниками. Делай как знаешь, но предупреждаю, если какую-нибудь подозрительную эклектичность услышу, то буду молчать.» На самом деле Варе было все равно до передачи, ее заботила возможная потеря ночного сна. Артюша теперь отхлебывал смоляного цвета чай, от которого пахло, как из железно-

дорожного депо – вновь смазанными дегтем вагонами, и заедал свежим кишем: «Ты соседа нашего слева, если встретишь на кухне, скажи, что у меня к нему есть деловой разговор, и если я в это время дома сплю, то буди меня пока он не ушел. Хочу у него комнату откупить и расшириться в северном направлении». Артюша давно вынашивал эту идею объединения нескольких комнат с видом на Фонтанку в одну оригинальной величины. Когда-то он обнаружил, что потолочная лепнина, как ножом, отрезана около одной из его стен с соседней комнатой. Ответ был прост и очевиден: во времена совдепии комнату-залу с окнами на Фонтанку поделили на клетухи для вселения народа. Во времена дефолта комнату можно было купить за бесценок, но у него никогда не было денег на покупку недвижимости, впрочем, как и движимости. Не было у него денег и сейчас, но теперь у него была работа, которая требовала расширения площадей. Дальше этой точки он думать не осмеливался, но если вдруг комната будет продаваться, то об этом можно будет поговорить с хозяином Павлом. Вся эта история с работой была довольно неправдоподобной, но он старался об этом не думать под углом следственных органов, если бы те вдруг заинтересовались. С самого начала ему приволокли домой такой кусок техники, что он даже подумал с печалью, что не иначе как ему придется разжигать международный ядерный конфликт с этого агрегата. Это был какой-то музыкальный комбайн с возможностями воспроизводить звук чего вы только захотите. Кроме того там был встроен телефонный узел с кнопками, лампочками и тумблерами, несколькими парами наушников и только одним микрофоном. Все это было укомплектовано в компьютер. В комнату провели линию скоростного интернета. Несмотря на десяток возможных телефонных подсоединений, пока работало только одно с автоответчиком. Комбайн вида не имел никакого и был похож на самопал, но Артюшу это не пугало. Он с молодых ногтей вращался среди музыкантов и дельных самопалов повидал на своем веку немало. Кроме того, в последнее время его мозг работал в ином моде: он подчинил все его интересы новой работе. Несмотря на наличие неразбитого компьютера в доме, Артюша прикрутил свое блоггерство «В Контакте» почти на нет, чем вызвал охи-ахи поклонников его жесткого юмора. Теперь он часами пропадал в сети, слушая радиовещания других ди-джеев (многие радиостанции гоняли бродкаст синхронно на интернете.) Без предварительной подготовки было очень непросто разобраться, отчего одновременно в одном вещании (шоу) участвуют столько много голосов, о чем они говорят и чему так яростно смеются в 6 часов своего утра. Чтобы лучше понимать английскую речь, он слушал ее в наушниках. Варвара сказала ему как-то, что не представляла себе раньше его таким погруженным: с наушниками на голове он был похож на диверсанта, а его тень на стене – на большого Свинкой. Кроме прослушиваний разных радио шоу он готовил материалы для своей программы: что-то выписывал на отдельном клочке бумаге и иногда тренировался произносить названия композиций на языке автора. Французское ему давалось с трудом и звучало похоже произношением на речь белоэмигрантских таксистов в Париже 80 лет назад. Иногда среди бела дня приходил кто-нибудь из его друзей, на чьи телефонные звонки он отвечал непривычно для них односложно. Они хотели наяву убедиться, что с ним все в порядке.

Глава четвертая

С Артюшей все было теперь в другом порядке. Он ложился спать ранним вечером, чтобы к полуночи быть бодрым и речистым. Этим вечером он сказал Варе про ее ночной дебют и предложил и ей выспаться до начала программы: «Как только почувствуешь, что я уже сплю, можешь потихоньку прилечь рядом. Но до этого постарайся выследить соседа справа...». Когда Артюша получал общие инструкции о том, какую музыку ему гонять лучше, инструктор (креативный директор) сказал ему примерно так... мы не посадили тебя здесь играть колыбельные, чтобы физически усыпить аудиторию, ведь тогда и аудитории не будет. Но нам не нужно, чтобы что-то услышанное на программе подвинуло кого-то засунуть голову в духовку. Нам надо, чтобы программа была на плаву. Мы понимаем, что демография слушателей может измениться, а за ней и формат... Артюша тогда совсем не врубился в наставление, потому что духом был все еще на своей блоггерской странице, где делал он все что хотел и обходился без сопливых. Только некоторое время спустя до него дошло, что правильного сорта музыки для ночных сессий не так уж и много. С самого начала нужно было откинуть все популярное и весь гламур разных лет, все слишком технически безукоризненное и все с конкретной лирикой. Нужно было отказаться от всего, что принесло композициям известность и успех, потому что ночные слушатели не так уж успешны в дневной жизни, и чужой успех подсознательно их тревожит не в лучшую сторону. Этой ночью он гонял лирическую Билли Холидей, рассказал, как ей было жить в Париже, про ее встречи с другими исполнителями. Все шло нормально. Его голос в наушниках времени эфира звучал внушительно, но без надсадных или покровительственных обертонов. Варвара сидела через стол от него в таких же наушниках. Она улыбалась и вязала носок. Было около 2-х часов ночи, когда раздался телефонный звонок в студию. Варвара подняла трубку, немного послушала, а потом стала делать ему знаки руками, что трубку взять нужно ему. Как раз, когда отзвучал последний аккорд звукозаписи, Артюша произнес: «Вы слушаете радиопрограмму «Ночной ковбой», вы в эфире. – Мне посоветовали позвонить к вам на радио. У меня непростой вопрос – я не знаю, что мне делать... Ох уж эта мне Варвара – ведь прекрасно знает, что такие звонки мы не принимаем, можем попасть в переделку... А теперь уж что делать, если человек в эфире? На тормозах не спустишь. – Мы, вообще-то, советов не даем, мы исключительно музыкального направления программа, но вам, как исключение, я постараюсь помочь, если смогу. В чем ваша проблема? – Мне очень неловко, что я не туда попала, но телефон-то у меня ваш. Может быть, не стоит тогда, если у вас квалификации нет. – Да уж говорите, раз мы все равно в эфире. На счет квалификации, вы не волнуйтесь – у нас тысячи слушателей с распахнутыми для помощи ближнему своему сердцами. Как говорится, с мира по нитке, голому на веревку. Варвара смотрит на Артюшу, как на шаровую молнию, и крутит спицей у своего виска. – Вы знаете, история довольно банальная, и если бы это случилось не со мной, а где-нибудь в книге, то я бы и читать про такое не стала. Уже давно мне нравится один мужчина. Мы знакомы по работе – он мой начальник, но мы живем в разных городах и видимся даже по работе довольно редко. Нельзя сказать, что он красив или уродлив, но он очень одинок и при этом умен и талантлив, хотя это к делу не относится. Я не знаю, как мне с ним объясниться при сложившихся обстоятельствах. К тому же мне уже 35 полных лет... Артюша чувствует подставу – из-под осенней листвы потягивает прошлогодним дермецом. Наверняка, это кто-то из его друзей решил развернуть его, как избушку – к лесу задом. Но отступать ему некуда – тысячи, как говорится, слушателей с распахнутыми сердцами застыли сейчас с незажженными сигаретами в губах и не облизанными ложками ночного мороженого. Они ждут напутственного слова их ночного музыкального проводника и пастыря... – Девушка, ваше положение не из простых, но на мой взгляд у вас есть шанс его покорить, вашего начальника. Вот что вам надо сделать. Не откладывайте ничего в дальний ящик, тем более,

что вам уже полных 35 лет... в ближайшую пятницу вы без приглашения едите к нему домой в другой город с ночевкой. Для уверенности выпиваете в транспорте сладкого и крепкого и прямо с порога говорите ему, что вы не перепутали квартиры и у него не случайно. Возможно, что он будет выглядеть немного опешившим, но вас это не должно останавливать, отнюдь. У вас появляется блестящая возможность взглянуть на него в быту и решить для себя – может ли человек с такими бытовыми привычками быть вам спутником жизни. Если решение ваше неизменно, то бы продолжаете пить уже вместе с ним и в конце вечера сообщаете ему, что уже носите под сердцем его ребенка. Он, со своей стороны, как человек неглупый, понимает, что если вы пошли на подобный шаг, то это с вашей стороны всего лишь способ объяснения любви к вам, что ваша жертвенность перешагнула все мыслимые границы приличной девицы, что вы – максимально возможное, что ему светит в этой жизни, и ему уже ничего не надо делать и даже принимать решения. Он видит вас вдруг, как прозревший, с нимбом вокруг беспорядочно-прекрасной гривы спутанных в странствиях волос и стелет вам отдельно, но замерзает ночью на креслах и приходит к вам. Не забудьте взять с собой шампанского впрок, чтобы утром было чем отметить жизненно-важное решение. После этих слов Артюша отключает телефонную линию от эфира и под первые звуки Goodbuy Yellow brick road фамиллярно мурлычет вместе с Элтоном Джоном. Сразу же после Элтона Артюша ставит джазовое попурри на темы Жака Оффенфаха и просит Варвару сообразить чайку. Она сидит краснощекая под впечатлением его совета охомутания мужчины при помощи шампанского и плода под сердцем: «Тебе не стоило на весь эфир нести записки сумасшедшего. Если бы я была твоей случайной слушательницей, то мне бы такое не понравилось – ты сам подрываешь свой статус. С одной стороны человек музыковед-архивариус, а с другой – какой-то 5-ти долларовый ярмарочный гадалец. – Я думаю, что это была подстава кого-то из моих друзей. Кто серьезно может придти с таким вопросом к ночному ди-джею? Не мог же я ей ответить, что действительно думаю о подобном – это бы было точно не для тысяч радиослушателей с распахнутыми сердцами. – Что же ты действительно думаешь? – Вопрос закрыт, займись лучше чаем, да и киш пора доест, пока он свежесть не растерял. Чтобы носить плод под сердцем, мало иметь сердце и другие вспомогательные органы. Нужно иметь фантазию и план на ее основе. Но бывает, что и это не помогает – мы не можем научить страуса летать, но можем довести его из пункта А в пункт Б на летательном аппарате. Будет ли страус доволен полетом, посадкой и обитанием в пункте Б никто не знает.

Глава пятая

Следующим утром, а точнее в самом его конце Артюша был разбужен телефонным звонком. Он какое-то время шарил рукой в темноте, но все время попадал на Варварино лицо, которое в темноте казалось безграничным. Она лежала на спине рядом и искусно храпела. Артюша заметил про себя, что храп ее похож на звук 2-х моторного самолета на издыхании или осеннее курлыканье журавлей. Звонил хозяин Павел. Он просил приехать Артюшу в контору к 2 часам для серьезного разговора. От предстоящих событий вставать захотелось еще меньше. Да тут еще эта Варька, прекрасная, как блудница в заслуженный выходной, раскинулась и не бубнит. Он поправил ее волосы на дневной манер и коснулся легонько ее бровей. Она мгновенно проснулась и открыла глаза: «Чего ты надо мной склонился и спать не даешь, я всю ночь работала и имею право. Давай поспим еще немного, я там в середине сна была, в Шотландии.» Артюша медленно перевалился через Варвару, пытаясь мимоходом коснуться всех известных ему из книг эрогенных точек на женском теле. Книжные данные на Варвару не распространялись – она спала. Артюша включил ночную лампу, чтобы не раздвигать штор на окнах, и сразу увидел свое желтоватое отражение в зеркале шкафа. У него была неплохая для этого времени года фигура: под толстыми свитерами не всякий мог угадать излишнюю полноту, но в майке и трусах он выглядел, как клоун с подставными подушками. Он подошел вплотную к зеркалу, ухватил себя обеими руками за лишнее и подумал, что надо бы принять душ и позавтракать до поездки на радио. Одному ему такое было не осилить, и он тихо произнес: «Вставай уже, два часа жду твоего пробуждения по доброй воле. Мне уходить надо по делам, а я еще не мылся и не ел. И все из-за тебя». Варвара заворочалась в постели и сказала сонным голосом, что для нее два часа промчались в Шотландии, как 2 минуты, но очень эротические. Артюша стоял под душем с намыленной головой и телом, когда Варькина рука впиалась в его, и она перешагнула через край ванной. – Артюша, посмотри, что там у меня на спине около левой лопатки. Так болит и чешется. – Ты что вообще уже? Мне на радио надо мчаться по вызову, а тут со своей спиной врываешься и хочешь сорвать все планы. Ничего нет на твоей спине кроме следов укуса летучей мыши и рядом еще дырка от стрелы. Помой, что ли голову мне и тело, раз уж принесло тебя. Варя моет Артюшу, как полноразмерного идиота, дает ему указания повернуться, наклониться или поднять руки. Артюша смотрит на нее с трудом сквозь пену на глазах и издает идиотские монголоидные звуки под стать их игре. «Мне бы в женской сауне работать, а не на радио. Вот эту бы работу я любил безоглядно и всей душой. Выполнял бы себе план по человеко-помывкам и человеко-пене, пил бы клюквенный морс и добился бы строгости линий своего тела. И никакого мучного. Может только грибок соленый после рюмашки в конце смены». Его приятные размышления были остановлены безболезненным шлепком: «Там яичница с ветчиной и гренки с фиговой замазкой на двоих, так что не стремись к побитию рекорда. Одень малиновый пуловер с единорогом – я выложила. Не пуха тебе». Артюша с сожалением глядел на дразнящее Варькино тело, как на альтернативу яичницы с ветчиной. Варькино тело победило, поэтому приходилось пошевеливаться с завтраком, сушкой волос и натягиванием пуловера с единорогом.

Глава шестая

Ровно в 2 часа дня секретарша Андреева ввела его в кабинет к хозяину Павлу. Деловым кабинетом это помещение можно было назвать с большой натяжкой. Около стен стояли стеллажи со всякой всячиной, на стенах висели репродукции дореволюционных плакатов Маяковского, посвященные Первой мировой войне. Плакаты были с его же удалыми стихами. Павел сидел за письменным столом, заваленным разными бумагами и разговаривал с мужчиной, который небрежно восседал на краю стола и тряс в руке распечатку на перфорированной бумаге. Павел небрежно кивнул Артюше и сказал: «Знакомься, этой Юлий Юльевич». – Штолец – произнес Юлий Юльевич. – Гипер Артем Ароныч – произнес Артюша. Павел многозначительно посмотрел на Штольца и спросил Артюшу, как ему нравится его работа. От такого вопроса в лоб большая капля пота нехотя покатилась по чистой Артюшиной спине и завязла в резинке трусов. – Нормально нравится, а что поступили сигналы? – Вот именно, что поступили сигналы – и Павел кивнул на распечатку в руках Штольца. – Ты знаешь, что все радиотрансляции имеют свой рейтинг, который показывает, насколько передачи пользуются популярностью. Я не говорил тебе раньше, что с тех пор как ты начал вести свои ночные музыкальные экскурсии, общий рейтинг программы поднялся. И потом было пару средних всплесков. А сегодня ночью был один значительный. Другая капля пота побежала по проторенному руслу и достигла дельты Артюшиных ягодич. Артюша глотнул воздуха и глухо сказал: «Этого больше не повторится. Произошла техническая неувязка с телефонным звонком: мы случайно оказались в эфире, а когда я это понял, то не захотел терять лица и вырулил из обстоятельств, как мог». – Это было не все. Микрофон в эфир был включен и позже, когда ты разговаривал с какой-то женщиной. – Варькой? Так она же вязала свой безразмерный носок... Этого я не знал. Так что, поступили жалобы от населения, или кто-то перерезал себе вены с проклятьями в мой адрес? Павел со Штольцем улыбнулись сухому Артюшиному юморку, и у него немного отлегло от сердца. – Юлий Юльевич нашел вам спонсора, который будет платить деньги за рекламу своего продукта во время вашего вещания. Мы понимаем, что всплески рейтинга не произошли на ровном месте, а именно тогда, когда вы нарушали формат передачи и вели разговоры. Мы хотим дать вам на пробу второго человека и возможность общаться с ним в эфире. Но помните, что это очень большая ответственность, включая четыре заветных слова, которые нельзя произносить на радио публично. Артюша ликовал душой. Он уже позабыл, что 10 минут назад боялся быть уволенным и нагло заявил: «Это, конечно, хорошая новость для станции, но вы понимаете, что иной формат вещания стоит иных денег. Мне не нужен второй человек с улицы: мы с ним явно не споемся, и ничего хорошего из всей затеи не получится». Хозяин Павел молчал. Он явно был не готов к такому повороту событий, но его природный ум и положение подсказывали ему не делать сейчас никаких радикальных заявлений, чтобы не загонять проблему в острый угол. Штолец явно не хотел принимать участия в продолжении разговора. Он соскользнул со стола, сказав, что у него встреча с клиентом через 5 минут, но он хочет видеть у себя в офисе Артюшу для передачи ему рекламного материала, когда он здесь освободится. Когда дверь за Штольцем закрылась, Павел недобро посмотрел на Артюшу: «Я не стану выметать мусор из избы и тебе не советую. У меня нет дополнительных денег для тебя. Едва ли хватит на твоего прихлебателя. Кто эта женщина, которая звучала в последней передаче?» – Да так. Это Варвара. Она погорелица. У нее все сгорело в Гатчине, и ее подселили ко мне через Красный Крест с Полумесяцем на неопределенный срок. Она по профессии этнолог, но по специальности не работает, а занимается реставрацией гобеленов позднего ренессанса, проще говоря, штопкой золотом. Ей платить много и не стоит. Пусть себе бухтит, как может. Она для передачи мне бы подошла. – Так она ваша сожительница? – Да какая, к черту, сожительница? Говорю же вам – погорелица она без средств к существованию. Артюша думает, что если их беседа с Павлом

сейчас записывается на что-нибудь, то позже эта запись может быть использована для Варьки, как отворотное средство от него. Он вспоминает утреннюю помывку и яичницу с ветчиной и приятное между этими двумя событиями и говорит себе, что Варька плотно залезла к нему под кожу, совсем, как в песне Фрэнка Синатры. – Варвару вам нанимать не следует, просто прибавьте ее жалование к моему, да и все. Я сам с ней рассчитаюсь соразмерно с ее услугами, не волнуйтесь. – Артем, вы должны до конца недели представить мне план тем, которые собираетесь представлять к дискуссиям. Это всего лишь формальность, но она должна быть соблюдена. Постарайтесь обойтись без геополитики и без пивнушной критики в адрес президента. Не забывайте, нам нужен высокий рейтинг, а не проблемы. Если вы захотите пригласить к себе на программу гостей-музыкантов, то посмотрите в дневном календаре, кто и когда приходит. Если кто-нибудь из них вам понравится, мы попросим их зайти и к вам на программу. – Павел, вы не серьезны. Я веду бродкастинг из коммунальной квартиры во втором десятилетии 21 века, я делю микрофон с кем-то, как Джаггер и Боуи 40 лет назад, но не на сексуальной почве, а из-за нехватки оборудования, и вы предлагаете мне приглашать к себе музыкантов. Мне их некуда будет усадить. А если они захотят сыграть и спеть? В ночное время такое не поощряется в коммунальных квартирах. Вот если вы помогли расселить нашу квартиру и забрать ее всю под студию. Когда Артюша сказал все это вслух, то подумал, что важные зерна всегда лучше бросать в почву как бы между прочим и не ждать особого от них урожая. Трудно было понять, слышал его Павел или нет. Павел делал какие-то помарки в календаре. Штольц глубоко сидел в кресле, закинув ноги на подоконник, и кричал в телефон, что у его ребенка есть алиби: он был на репетиции хора мальчиков. Кабинет Штольца был выгорожен полутораметровыми перегородками от остальной бескрайней комнаты, в которой роились около экранов компьютеров группы людей. В этой комнате находился отдел рекламы радиостанции. Благодаря продажи времени в эфире предприятиям для рекламы их продукции, существовали и звучали другие программы. Артюша знал, что знаменитый Пелевин начинал свою литературную карьеру в рекламном отделе скрипт райтером. Он и сам когда-то хотел попробовать себя на таком, но его незаконченное образование перешибло его талант. Штольц предложил Артюше леденцов из жестяной коробочки и продолжал долбить в телефон про своего сына: «Да да, у меня, к счастью, есть запись на кодере с числом и временем в правом углу... как отец и гражданин я очень сожалею, что так случилось, но ни один суд в Европе не сможет ничего доказать». Что бы не выглядеть невежливым к Артюше, Штольц теперь повернулся к нему лицом, закатывал глаза на голос в телефоне и одновременно делал пантомимические движения свободной рукой и языком во рту, которыми обычно показывают предложение или спрос орального секса потенциальным участникам сквозь стекло автомобиля. Артюша заценил экспромт: видно, что способен человек на многое, поэтому у него и сидение с окном и фамилия Штольц... – Артем, зовите меня просто – Юлл. Не надо по отчеству. У нас с вами должны отношения сложиться хотя и производственные, но очень короткие. Ведь это я вас открыл и уже почти что продал бетонно-кирпичному объединению все ваши ночи. Только не спрашивайте меня технических вопросов – зачем им пихать рекламу на кирпич и бетонные плиты в музыкальной программе. – Я понимаю, что рекламодатель платит за все время работы станции, зарплату персонала и туалетную бумагу, даже если она не доходит до места назначения, но рекламирование строительных материалов во время музыкальной программы может распугать аудиторию. Может быть, стоит переложить сухую информацию на музыку? Я слышал однажды что-то похожее в рекламе на продажу использованных автомобилей, но там был такой заводной джингл, что даже если бы под ту музыку рекламировали не крашенные гробы, то и тогда бы толпа все запомнила. У вас, в рекламном, кто-нибудь музыку пишет? Где у вас тут студия звукозаписи? Штольц смотрел на Артюшу и ничего ему не отвечал, как если бы не понимал, о чем его спрашивают. Артюшу молчание Штольца только раскалило: «Да вы поймите, наконец, что во всем мире популярные музыкальные произведения завоевали и отстаивают свою популярность не из-за гениальности

их сочинителей, а потому, что именно под них рекламируют товары и дают возможность толпе немой познаться с классикой бесплатно. Я не вру – так это все работает. Вам нужны музыкант с поэтом-песенником и три женских джазовых голоса. Ладно, давайте мне материал и говорите, когда его вставлять». Штольц выдал Артюше компактный диск с инструкциями на наклейке и сказал, что хотел бы как-нибудь приехать гостем на программу. Домой Артюша не торопился, а решил пройтись за мост в сторону Петроградской. Он позвонил Варваре и скорбным голосом сообщил ей, что его не уволили, а даже наоборот, но что придет он нескоро и поэтому будет голодным. Варя даже не успела сказать ему, что она поймала соседа слева для разговора, как Артюша повесил трубку. На первом этаже здания сидел швейцар общего назначения. Его-то Артюша и спросил, как быстрее отсюда добраться до Зверинской улицы. Швейцар сразу оживился и начал уточнять, в какой именно дом Артюше надо. Разочарованный, он ответил, что ему надо не в дом, а в зоопарк, а если еще точнее, то ко львам: Льву Абрамовичу и Льву Соломоновичу. Швейцар расстроился от простоты вопроса и сказал, что до Тучкова моста можно доехать на чем угодно, а там просто пройти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.